

Содержание

Введение	7
1. Контрпланирование из кухни	14
Они предлагают нам «развитие»	15
Новое основание борьбы	16
Скрытый труд	18
Отсутствие у нас заработной платы как дисциплина	22
Прославление семьи	24
Разные рынки труда	26
Требования заработной платы	28
Как заставить капитал платить	29
2. Капитал и левые	33
Та же старая история	33
Китайская модель	35
3. Гендер и воспроизводство в «Капитале» Маркса	40
Маркс и гендер в промышленном цеху	43
«Гендер» и воспроизводство рабочей силы	45
Почему тогда Маркс молчит?	48
Почему же все-таки Маркс молчит?	50
О понятии труда у Маркса	52
Феминизм, марксизм и вопрос воспроизводства	55
4. Маркс, феминизм и создание общин	60
Введение	60
Но две вещи можно сказать наверняка	62
Феминизм и точка зрения социального воспроизводства	63
Машины, современная промышленность и воспроизводство	72
О мифе прогрессивности капитализма	78
От коммунизма к общинам с феминистской точки зрения	82

5. Революция начинается дома: переосмысление Маркса, воспроизводства и классовой борьбы	86
Введение	86
Маркс о социальном воспроизводстве и воспроизводстве рабочей силы	89
От множества форм наемного труда к «производству»	93
Гендер, труд и семейная заработная плата в первом Международном товариществе трудящихся	99
Вывод	102
6. Конструирование домашнего труда в Англии XIX века и патриархат заработной платы	107
7. Происхождение и развитие сексуального труда в США и Британии	118
Борьба с сексуальным трудом	125
Фрейд и реформа сексуального труда	129
Что все это значило для женщин?	133
Примечания	135
Указатель имен	142

Введение

Празднование 150-летней годовщины «Капитала» Маркса показало, что сила политической теории этого философа ничуть не иссякла. Эти торжества объединили ученых, посвятивших свою жизнь изучению его творчества, а также молодых активистов, которых, по-видимому, толкнул к марксизму затяжной кризис капитализма, признаками которого стали почти полный крах мировой финансовой системы в 2008 году, снижение темпов роста и мрачные прогнозы касательно экономических последствий эпидемии COVID, по некоторым предсказаниям, способные оказаться тяжелее Великой депрессии 1929 года.

В феминистской среде также наблюдалось возрождение интереса к Марксу. Частично это было вызвано усилением кризиса социального воспроизводства, а частично — реакцией на постмодернистские тенденции прошлого, которые в силу отказа от широкой социальной теории и акцента на культурном разнообразии подорвали способность нас как феминисток вести критику капиталистических отношений.

Возвращение феминисток к Марксу продемонстрировало, что его методология и критика капитализма остаются необходимым фундаментом для анализа эксплуатации женщин в капиталистическом обществе. Действительно, трудно, даже после перемен, произошедших с капитализмом со времен Маркса, осмыслить современную социальную реальность, не обращаясь к «Капиталу» или к «Экономическо-политическим рукописям». Маркс дает нам язык и категории, необходимые как для анализа капиталистической системы в целом, так и для понимания логики ее воспроизведения.

Феминистки, например, взяли на вооружение Марксов анализ воспроизводства рабочей силы и расширили его, включив

туда репродуктивную деятельность, осмысление которой отсутствовало у Маркса, но которая тем не менее играла ключевую роль для извлечения капиталом добавочного труда, так и для воспроизводства классовой борьбы.

Однако не менее, чем антиколониалистская, антирасистская критика Маркса, феминистская перспектива также указывает на ограничения его политической теории. Она показывает, что эта теория основывается на исключаящих концепциях труда и революционных субъектов, в которых игнорируется стратегическая важность домашнего труда в процессе капиталистического накопления, и что она в своем развоплощенном понимании труда преуменьшает сложности, связанные с гендером.

Поэтому данная книга ставит двойную цель. С одной стороны, показать, что это не просто мелкие упущения в работах Маркса. Отдавая приоритет капиталистическому производству и оплачиваемому труду как центральной арене классовой борьбы и оставив без внимания некоторые из важнейших видов деятельности по воспроизводству жизни, Маркс дал нам только частичное представление о капиталистической системе и недооценил ее способность к сопротивлению и мобилизации отдельных секторов пролетариата в качестве орудий расистской и сексистской политики. В частности, недостаточное теоретическое осмысление репродуктивного труда помешало ему предсказать важнейшие изменения в стратегии капитализма, такие как образование новой пролетарской семьи, основанной на неоплачиваемом женском домашнем труде, которая вместе со значительным ростом заработной платы на рубеже XX столетия заложила основы нового, неформального договора между полами и нового патриархального порядка, который я назвала *патриархатом заработной платы* и который умиротворил широкие слои работников-мужчин. Существенная доля классового антагонизма была снята тем, что мужчины могли компенсировать дома — за счет женщин — власть, которую они утратили на рабочем месте.

С другой стороны, в этой книге я стремлюсь выявить те аспекты Марксова анализа, которые оказываются несовместимыми с феминистской антикапиталистической теорией и политической стратегией, выступающей за устранение неравенства

и всех форм эксплуатации. Для выполнения этой задачи я вернусь к ряду вопросов, стоявших в центре феминистских исследований и критики Маркса. Во-первых, это вопрос о «труде» как инструменте капиталистического накопления и поле конфронтации между рабочими и капиталом. Что дало Марксу и его последователям возможность представлять труд как в первую очередь промышленный труд и труд за заработную плату? В статье «Революция начинается дома»^а я вкратце останавливаюсь на исторической реконструкции процесса, в результате которого в Европе середины XIX века труд за заработную плату стал единственно признаваемой формой труда. Однако основной аргумент, проходящий через всю эту книгу, состоит в том, что феминистская перспектива крайне важна при определении того, что считать трудом, поскольку она показывает то, до какой степени капитализм полагается на неоплачиваемый труд, как он превратил каждый аспект тела и жизни женщины в производственную силу, и то, сколь обширные области труда в капиталистическом обществе несводимы к механизации. Это в свою очередь противоречит вере Маркса в то, что индустриализация резко сократит потребность в труде и освободит нам время для более возвышенных занятий.

Второй ключевой вопрос книги — это вопрос о разделении, которое капитализм создает в мире пролетариата, начиная с дискриминации по признаку гендера и расы. В своих текстах и выступлениях в качестве генерального секретаря Первого интернационала Маркс обличал и патриархальные отношения, и расизм, но мы не встречаем в его трудах серьезного анализа трудовых иерархий, которые капитализм выстроил на протяжении истории, особенно по признаку «расы» или «гендера», и того, какие последствия это имело для понимания путей развития капитализма и классовой солидарности. Здесь феминистская перспектива также играет ключевую роль. Она показывает, что, подобно расизму и эйджизму, сексизм является

^а Впервые опубликовано под названием «Революция начинается дома: переосмысляя Маркса, репродукцию и классовую борьбу»: *Revolution Begins at Home: Rethinking Marx, Reproduction and the Class Struggle // Marx's Capital After 150 Years: Critiques and Alternatives to Capitalism / Ed. Musto M. New York: Routledge, 2019.*

структурным компонентом капиталистического развития, что это материальная сила, стоящая на пути любой подлинной трансформации общества, и что он не может быть устранен (вопреки тому, что считали Маркс и Энгельс) за счет того, что женщины пойдут работать на фабрики и будут стоять за станком бок о бок с мужчинами.

Так же немаловажны утверждения о том, что феминистки должны критически относиться к освободительной роли, которую Маркс и марксистская традиция приписывали науке, промышленности и технологии, развитие которых Маркс называл «историческим призванием» капитализма. Еще важнее для феминисток поставить под сомнение освободительную роль, приписывавшуюся Марксом самому капитализму, который он считал наиболее рациональной организацией труда и производства и высшей формой общественной кооперации^а. Вместе с игнорированием репродуктивного труда и недооценкой трудовых иерархий и колониальных отношений вера Маркса в то, что капитализм в конечном счете играет «прогрессивную» роль, — это, без сомнения, самый проблематичный аспект его творчества. У социалистов XX века это привело к тому, что капиталистическое развитие стало целью революционного процесса, в точности как на это указывал Ленин:

Реакционная мысль искать спасения рабочему классу в чем бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма. В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс безусловно заинтересован поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма¹.

Как и Ленин, вся марксистская традиция постулировала неизбежность и необходимость капитализма как высшей формы

^а Маркс писал: «Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы [höhere Neubildung] выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д.» (Маркс К. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 25. Ч. 2. С. 386).

общественной организации, поскольку он способствовал росту общественного благосостояния, сокращал время труда и благодаря широкомасштабной индустриализации создавал материальные условия для коммунизма. На деле вместо того, чтобы построить материальные условия для коммунистического общества (как предполагал Маркс), капиталистическая промышленность и технология разрушали землю, создавая в то же время новые потребности. Из-за этих потребностей сегодня трудно думать о «революции», потому что построение справедливого общества, характеризующегося равным распределением природных и общественных богатств, может сократить доступ к технологическим инструментам, без которых мы больше не можем обходиться в жизни.

Как я буду постоянно подчеркивать в данной книге, занять критическую позицию в отношении некоторых аспектов политической теории Маркса — не значит отбросить его наследие или не суметь признать его значения. Сегодня мы также узнали, что Маркс и сам не всегда был уверен в своих теориях — возможно, именно поэтому он не опубликовал второй и третий тома «Капитала» при жизни и оставил несколько редакций своих сочинений^а. Мы также знаем, что в поздние годы он пересмотрел свою концепцию пути к революции, согласившись в переписке с русскими народниками, что российскому пролетариату нет необходимости проходить через стадию капитализма для того, чтобы построить коммунизм, но что он может совершить переход к коммунистическому обществу на основе крестьянской общины, но при условии, что в Европе произойдет революция. В свои поздние годы, читая «Древнее общество» Льюиса Моргана, Маркс также научился ценить культуру и достижения народов, живших на доиндустриальной стадии, например коренных народов Америки². Более того, в предисловии 1872 года к «Коммунистическому манифесту» он писал (совместно с Энгельсом), что вопреки

^а «В старости Маркса все больше одолевали сомнения касательно узости его концептуального аппарата, и он противился публикации второго и третьего томов „Капитала“, несмотря на давление со всех сторон» (*Van der Linden M., Roth K. H. Beyond Marx. Theorizing the Global Labour Relations of the Twenty-First Century. Leiden: Brill, 2014. P. 7*).

их первоначальному мнению в 1848 году «Коммуна доказала, что „рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей“»³. То есть, вполне возможно, Маркс пересмотрел свое мнение о том, что рабочий класс может овладеть капиталистической технологией и приспособить ее для благих целей, а со временем, Маркс, возможно, понял бы значение феминизма, от которого часто отмахивался как от борьбы за буржуазные права.

Для нас же вызов состоит в том, чтобы представить себе, какой вклад реконструированный марксизм может внести в артикуляцию феминистской теории и феминистской политической программы. Второй том этой работы я собираюсь посвятить именно этому проекту. Здесь же я буду переосмысливать основные причины того, почему до сих пор было так трудно «поженить» марксизм и феминизм.

Статьи, которые я собрала в этом томе, включают материалы, написанные за долгий период: два — в середине 1970-х, остальные — за последние два десятка лет. Каждая статья, таким образом, представляет момент в развитии феминистского дискурса о Марксе и в то же время является попыткой ответить на вопрос, поставленный Шарзад Моджаб: как нам преодолеть «первое великое разделение в истории», соединить «два главных освободительных проекта, марксизм и феминизм» и обеспечить «прорыв», которого требует политика сегодняшнего времени?⁴

Статьи «Контрпланирование из кухни» и «Капитал и левые», написанные в соавторстве с Николь Кокс, относятся к тому периоду моей жизни, когда я была активисткой движения за оплату домашнего труда и когда нашей основной задачей было, с одной стороны, ответить на критику левых, настаивавших на том, что работа по дому — это остаточный элемент докапиталистического мира, а с другой стороны — ответить феминисткам-либертарианкам, описывавшим домашний труд идиллически как последний оплот построения семейных отношений, свободных от господства рынка и вмешательства государства. Poleмический тон этих двух работ отражает интенсивность дебатов, вызванных нашими тезисами и вскоре подтолкнувших меня к тому, чтобы реконструировать историю капиталистического

развития, отчасти за тем, чтобы объяснить происхождение домашнего труда и специфический характер гендерной дискриминации в капиталистическом обществе.

«Гендер и репродукция в „Капитале“ Маркса» была написана не так давно, частично стимулом для нее послужил новый интерес к Марксу со стороны феминизма, а частично — тенденция Маркса избегать любых отсылок к репродуктивному труду женщины и сведение им гендерного различия к различию в стоимости труда.

Статья «Маркс, феминизм и конструкция общин» была критическим ответом на теорию марксистов-автономистов о новой фазе развития капитализма, названной ими «когнитивным капитализмом», которая якобы осуществила предсказание Маркса о том, что капитализм создает условия для своего собственного преодоления. Если Антонио Негри и Майкл Хардт рассматривали цифровизацию труда как инструмент усиления автономии работников от капитала, я в своей статье делаю акцент на том, что цифровая технология сегодня разрушает то, что еще осталось от природного мира, создавая стимулы для добывающей промышленности, которая уничтожает экосистемы по всему миру.

Наконец, две последние главы книги, «Конструирование домашнего труда в Англии XIX века и патриархат заработной платы» и «Истоки и развитие сексуального труда в США и Британии», показывают потребность в расширении марксовских концепций планирования капитала и классовой борьбы. Обе главы исследуют начало новых инвестиций капитала в воспроизводство рабочей силы и новый интерес со стороны государства к регулированию семейных отношений и сексуальности в целях создания более продуктивного рабочего класса. Обе свидетельствуют о том, что, вопреки представлению Маркса, воспроизводство рабочей силы осуществляется не одним только рынком и что классовая борьба ведется не только на заводах, но и в наших телах, и это борьба не только между трудом и капиталом, но и внутри самого пролетариата, когда мужчины, особенно мужчины, получающие зарплату, соглашаются занимать внутри семьи и более широкого сообщества позицию представителей государства по отношению к женщинам.